

ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

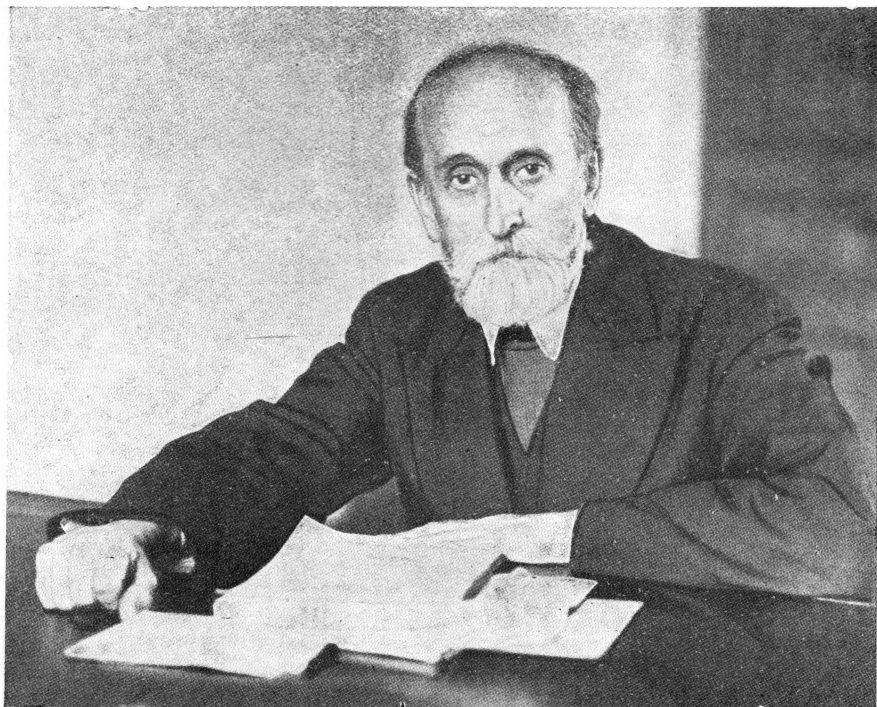
IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1935

ЛЕНИНГРАД

Сергей Булгаков

А. И. ВОСТРИКОВ

С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета¹

Деятельность С. Ф. Ольденбурга как ученого и как замечательного организатора, создателя и вдохновителя целого ряда научных предприятий, не укладывается в рамки какой-нибудь одной узкой специальности.

Круг вопросов, которыми Сергей Федорович интересовался сам и которыми он старался заинтересовать других, был настолько широк, его эрудиция была настолько разностороння, что многие области в обширном поле изучения социальных явлений стран Востока с полным правом могут считать и считают его одним из своих выдающихся специалистов.

Человек исключительно одаренный, С. Ф. Ольденбург был в полном смысле слова энтузиастом науки, увлекавшим своим стремлением к расширению человеческого знания всех, кому приходилось с ним общаться.

Это постоянное стремление к знанию, характерное для Ольденбурга-академика, так же как и для Ольденбурга-студента, стремление не только и не столько к расширению своих собственных познаний, сколько к расширению и углублению научного знания всего человечества, обогащало его с каждым днем все более и более разнообразными сведениями и позволяло ему охватывать широчайшие перспективы научного развития.

Поднимаясь над узким кругом вопросов своей непосредственной специальности, охватывая умственным взором общие перспективы развития науки, С. Ф. Ольденбург всю свою жизнь негодовал на ту бесплановость и бессистемность, которая была столь характерна для дореволюционного востоковедения. Еще 16 лет тому назад в речи, произнесенной им по случаю столетия юбилея рождения знаменитого русского буддолога акад. В. П. Васильева, С. Ф. Ольденбург, анализируя громадную литературу о буддизме, которая накопилась на разных языках за сотню лет его изу-

¹ Доложено в заседании Группы востоковедения Академии Наук СССР 26 IV 1934 г., посвященном памяти акад. С. Ф. Ольденбурга.

чения, с горечью указывал на этот основной порок прежнего востоковедения, свойственный, впрочем, и другим наукам до революции.

«На изучении буддизма, — говорил Сергей Федорович, — необыкновенно ярко сказалась та бессистемность, то отсутствие планомерности в работе, которое так поражает нас при рассмотрении истории гуманитарных наук: не будет преувеличением сказать, что здесь царят мода и индивидуальные особенности и вкусы исследователей; на каждом шагу невольно спрашиваешь себя, почему какой-нибудь детальный вопрос привлекает к себе особенное внимание, вызывает ряд работ, когда остается неисследованным вопрос не менее важный, от решения которого зависит настоящее понимание того первого вопроса, который рассматривался как бы вне времени и пространства. Поражает та легкость, с какою пытаются делать широкие обобщения, не имея в своем распоряжении достаточного фактического материала, который, однако, не трудно было найти».¹

Эти горькие мысли и недоуменные вопросы волновали Сергея Федоровича всегда, когда он пробежал по страницам истории прежней науки. То, что он сказал об изучении буддизма, в большей или меньшей степени приложимо было и к другим областям востоковедения. И в других областях также внимание подавляющего большинства исследователей привлекали отдельные разрозненные детали, тогда как целый ряд явлений не менее важных, явлений, изучение которых было совершенно необходимо и для самого понимания этих деталей и, в особенности, для определения их удельного веса в общем процессе исторического развития, — оставался в стороне. В результате нередко наблюдалось искажение исторической перспективы, гипертрофия одних явлений в ущерб другим, поспешные и необоснованные заключения.

Всю свою жизнь Сергей Федорович мечтал о том времени, когда, наконец, не мода, не личные вкусы отдельных ученых будут руководить выбором объектов научного исследования, а строгий план самой науки, план закономерно вырастающий из самой задачи постижения сложной и многообразной действительности и предусматривающий замену стихийно возникающих единичных исследовательских попыток дружными и систематическими действиями целого научного коллектива. И не только мечтал, но и работал для этого времени, старательно собирая и группируя научные силы, пропагандируя необходимость изучения различных проблем, восставая

¹ С. Ф. Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. ИАН, 1918, стр. 539.

против чрезмерного увлечения случайными вопросами, против всякого нарушения чувства меры и исторической перспективы.

С. Ф. Ольденбург ясно видел, что одиночные труды ученых, даже труды совершенно гигантские, бывают нередко обречены на неудачу, на долгие годы забвения, если не привлечено к ним внимание других исследователей, если совместными усилиями многих ученых не созданы условия для того, чтобы эти труды могли быть правильно восприняты и продолжены. Лучше многих других он сознавал, что не единичные усилия отдельных ученых в некоторых только областях, а расширенное и углубленное изучение различными специалистами всей совокупности разнообразнейшего фактического материала даст нам подлинное знание истории и культуры восточных стран.

В сущности, вся полувековая научная деятельность С. Ф. Ольденбурга, в чем бы она ни выражалась, в печатных ли трудах, или в устных речах и докладах, в организации или в руководстве тем или иным научным предприятием, или просто в личном общении с учениками и товарищами, была подчинена горячему стремлению добиться всестороннего, систематического и планомерного научного исследования Востока. Этой работе С. Ф. Ольденбург посвятил все свои силы и время, все свое знание и опыт, ради нее он много раз жертвовал собственными кабинетными занятиями, личными исследовательскими интересами. Не жалуясь и не завидуя, он, ученый высокой марки, умел незаметно и просто отходить с тех участков науки, где его же трудом и энергией работа была налажена, отходить именно потому, что работа здесь шла вперед, отходить туда, где ее еще нужно было налаживать.

Само собою разумеется, что у С. Ф. Ольденбурга при всех его широких интересах был ряд таких вопросов, которые он хотел во что бы то ни стало разработать собственным трудом, полагая с полным основанием, что он может это сделать не хуже, а лучше любого другого исследователя. Своими работами по индийскому искусству, археологии и фольклору он завоевал себе славу блестящего знатока и крупнейшего специалиста среди ученых всего мира. И хотя некоторые из тех тем, которые Сергей Федорович отобрал для своего личного исследования, он, будучи всю жизнь обременен задачей организации науки, так и не успел разработать, вряд ли можно особенно строго судить его за то, что он искренне хотел и твердо надеялся эту разработку рано или поздно осуществить. Тем более, что время не упущено и то, что не успел сделать С. Ф. Ольденбург, может быть сделано еще и теперь.

С. Ф. Ольденбург за всю свою жизнь, целиком посвященную науке, накопил немного больших печатных трудов. Всю свою жизнь заботясь о развитии науки, Сергей Федорович выступал и в своих печатных работах прежде всего как организатор и вдохновитель научно-исследовательского труда, неизменно придавая им методический и принципиальный характер.

Его часто небольшие статьи по вопросам истории, философии, религии, искусства, литературы и фольклора Индии и сопредельных стран были показателем исключительного сознания той ответственности, которая лежит на научном работнике, исследующем эти вопросы, показателем ясного понимания задач, подлежащих разрешению в данной области, умения выделить и подчеркнуть самое важное и существенное. Его работы, прежде всего, это образцы научно-исследовательского анализа, это программа и руководство для действия в той отрасли знания, которой Сергей Федорович посвящал свою работу.

И в этом смысле нужно оценивать и работу С. Ф. Ольденбурга в деле изучения Тибета.

Изучение тибетского языка в России началось свыше двухсот лет тому назад. Еще в конце XVII в. в Посольском приказе в Москве состоял на службе в качестве переводчика некий Павел Иванович Кульвинский, который в своей автобиографии (сказке), датированной 1696 г., называет себя «переводчиком калмыцкого, мунгальского и тангутского письма».¹ Однако относительно его деятельности в области тибетского или, как тогда называли, тангутского письма сведений не сохранилось. Вероятно, что в конце XVII, начале XVIII вв. в России и кроме Кульвинского были люди, интересовавшиеся тибетской письменностью и занимавшиеся ею, но эти занятия не оставили после себя заметных следов и во всяком случае не выходили из рамок личной любознательности.

Более или менее заметный интерес к тибетской письменности проявляется лишь в 20-х годах XVIII в. и связан с находкой на Иртыше в монастыре Аблайн-хит тибетских рукописей. Образцы этих рукописей в виде отдельных листов были доставлены в Петербург, и в 1722 г. библиотекарь Петра I, Шумахер, командированный по разного рода научным делам за границу, представил в Парижскую академию один из этих листов с просьбой дать его научное определение и перевод.

Хотя к тому времени в Европе уже были опубликованы сообщения разных путешественников в Тибет и начали понемногу поступать сведения

¹ В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII—XVIII вв. ИАН, 1919, стр. 1206.

о деятельности католической миссии, которая с 1708 г. развернула проповедь христианства в Непале и в Тибете, однако первые не давали скольнибудь значительных материалов для ознакомления с тибетской письменностью, а труды католической миссии в этом направлении были еще не изданы и мало кому доступны. И потому аббат Bignon отнюдь не преувеличивал, когда он, направляя в феврале 1723 г. Петру I результаты работы французских ученых над этим листом, писал: *Il étoit assez difficile, Sire, de reconnoître seulement des caractères, que nos Sçavans n'avoient point encore vûs jusqu'icy...*¹

Анализ привезенного Шумахером в Париж листа был поручен известным французским ориенталистам братьям Etienne и Michael Fourmont, которым посчастливилось раздобыть рукопись латинско-тибетского словарика католического миссионера в Тибете de Fano² и с ее помощью правильно определить, что лист этот написан по-тибетски. Однако, попытка их, пользуясь этим словарем дать транскрипцию текста и его буквальный и смысловой перевод, кончилась, как и следовало ожидать, полной неудачей. Работа была ими выполнена и направлена вместе с письмом аббата Bignon в Петербург, но представленный ими перевод ничего общего с текстом не имеет.³

Проезжая через Лейпциг в 1722 г., Шумахер показал этот текст также некоторым немецким ученым, но успеха и здесь не добился. Правда, J. В. Menke в том же году сумел с большим искусством воспроизвести его в «Acta eruditorum»,⁴ а Bayer⁵ и М. Veysière La Croze,⁶ пользуясь «тангутским» алфавитом, который был сочинен толмачем Гаврилой Монголовым и находился в руках Байера,⁷ сумели установить, что лист написан

¹ См. G. F. Muller. *Commentatio de scriptis tanguticis in Sibiria repertis*. Petropoli, 1747, стр. 6 и след., где приведено целиком письмо аббата Bignon к Петру I.

² Рукописная копия этого словаря имеется, между прочим, в коллекции тибетских рукописей и ксилографов Института востоковедения Акад. Наук СССР. См. I. J. Schmidt und O. Böhlingk. *Verzeichniss der Tibetischen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum*, № 515.

³ Оригинал работы братьев Fourmont находится в Институте востоковедения.

⁴ *Nova literaria de Mss codicibus in Tartaria repertis. Acta eruditorum anno MDCCXXII publicata*, Lipsiae, стр. 374—376 и таблица. Начальные слова тибетского текста были еще ранее воспроизведены в «*Neue Zeitungen von gelehrten Sachen*», № LI, den 25 Juny, 1722, Leipzig, стр. 498.

⁵ См. его письмо, опубликованное в *Historie der Gelehrsamkeit unserer Zeiten*, V st., Leipzig, 1722, стр. 385 и сл.

⁶ См. его письмо к J. В. Menke, опубликованное в *Acta eruditorum*, 1722, стр. 414—416.

⁷ Алфавит этот La Croze передал для опубликования Menke, и он был напечатан в *Acta eruditorum*, 1722, стр. 417 и сл., и затем сам Bayer опубликовал его в *Supplementa actorum eruditorum*, Lipsiae, 1729, т. IX, стр. 20.

«тунгутскими» буквами, однако ни тот, ни другой не были в состоянии разобрать самый текст.

Старания Шумахера получить по заказу Петра I научный разбор этого листа от европейских ученых имели, однако, тот положительный результат, что они привлекли к нему внимание со стороны широких кругов ориенталистов и возбудили в Европе интерес к изучению тибетской письменности вообще. В течение целого столетия, вплоть до Abel Rémusat, тибетский лист из Аблайн-хита и его интерпретация продолжали занимать европейских востоковедов.¹

В нашей Академии Наук изучение тибетского языка начинается почти с самого момента ее основания и, хотя число всех бывших у нас тибетоведов измеряется единицами, тем не менее наши ученые и, в частности наша Академия Наук, занимают в мировой науке о Тибете одно из первых мест. Еще в 1720 г. Мессершмидт, находясь в экспедиции, составил небольшой список тибетских слов, записанных им, вероятно, у ойратов. Список этот, как и прочие бумаги Мессершмидта остались неопубликованными, но вариант его был напечатан в 1730 г. спутником Мессершмидта, пленным шведским офицером Strahlenberg'ом в приложении к своей книге: «Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia».²

Возвратившись в 1727 г. в Петербург, Мессершмидт привез с собою, между прочим, ксилограф китайской печати, содержащий в себе санскритский алфавит, написанный буквами ланджа, тибетскими и монгольскими. Изданию и анализу этого ксилографа Байер, который уже в конце 1725 г. вступил в состав нашей Академии Наук, посвятил специальную работу «Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mongolicae», которая была им представлена в Академию в 1728—1729 гг. и напечатана в «Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae» в 1732—1733 гг. Занятия Байера в области тибетской письменности не дали и не могли ему дать, однако, знание самого тибетского языка. Не будучи в состоянии

¹ См. Georgi. Alphabetum Tibetanum, Romae, 1762. Appendix III, стр. 663—759, где воспроизведена работа Fourmont и дана новая интерпретация тибетского текста. Abel Rémusat. Recherches sur les langues Tartares, Paris, 1820, т. I, стр. 322 и сл.

² Список Мессершмидта, датированный 1720 г., находится в архиве Института востоковедения, III, 69. Вариант, опубликованный в таблице, приложенной к книге Strahlenberg'a «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...», Stockholm, 1730, отличается несколько по составу слов — в нем больше числительных и меньше существительных и, кроме того, порядок последних изменен и отдельные слова заменены другими. Тем не менее источник обоих списков был, видимо, один, так как оба списка в числительных на место тибетского обозначения «9» ставят слово, значащее «10», а на место последнего — слово, обозначающее 12; на место слова, обозначающего «30», пишут 29; одинаково транскрибируют «б», читая тибетское «drug» по-калмыцки «uruk», и т. д.

понять непригодность перевода, представленного братьями Fourmont, Байер, вполне доверяя их авторитету, нашел необходимым опубликовать его в своем «Museum Sinicum».¹

Проверить перевод братьев Fourmont взялся другой наш академик, известный историк Г. Ф. Миллер. Не зная тибетского языка, Миллер не мог, конечно, сам оценить качество их работы. Но посетив в 1735 г. селенгинских бурят-монголов, он обратился за содействием к одному тамошнему ламе — пришельцу из Тибета, который и перевел ему начало тибетского листа на монгольский язык и транскрибировал это начало монгольскими буквами. Этот лама, живший при тайше Лобсане и называвшийся, по словам Миллера, «Zordschi», был никто иной как знаменитый цоряжи-лама из монастыря Чонэ, по имени Агван-пунцог, первый глава буддийского духовенства бурят-монголов и основатель Цонгольского дацана.

Ввиду того, что сам Миллер не знал и монгольского языка, некий Петр Смирнов из Иностранной коллегии перевел ему по-русски монгольский перевод Агван-пунцога и транскрибировал его русскими буквами. С русского перевода Миллер сделал латинский перевод, который и опубликовал в 1747 г. вместе с тибетским оригиналом и монгольскими текстами Агван-пунцога в своей работе «*Commentatio de scriptis tanguticis in Sibiria repertis*». В архиве² Института востоковедения сохранилась, кроме этого, ненапечатанная работа Миллера, которая носит название «*Vera interpretatio folii tangutici Fourmontiani*» и состоит из небольшого предисловия Миллера, монгольского текста Агван-пунцога, упомянутого русского перевода и русской транскрипции его Петра Смирнова и латинского перевода и транскрипции, сделанных на основе работы последнего самим Миллером. В своей напечатанной работе Миллер дал описание развалин Аблайн-хита и других и привел довольно хорошо воспроизведенные буддийские изображения, хотя ни он сам, ни его спутник Гмелин не удосужились лично посетить эти места, доверив это дело своим подручным, на что справедливо сетовал в свое время Abel Rémusat.³

В 1772 г. Паллас, собирая различные сведения о монголах, опубликованные им впоследствии в его «*Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*», записал со слов живших тогда среди селенгинских бурят-монголов тибетских лам любопытные данные о географии, языке и религии Тибета. В этом деле ему большую помощь оказал

¹ Th. S. Bayer. *Museum Sinicum*, Petropoli, 1730, т. I, стр. 109—124.

² Архив Института востоковедения, III, 83.

³ *Op. cit.*, стр. 229—230.

сопровождаявший его переводчик Ериг (Jaehrig), который изучил и монгольский и тибетский языки настолько, что смог перевести для него ряд материалов из литературных источников. Плоды их совместных разысканий были использованы Палласом в его «Sammlungen historischer Nachrichten»¹ и в «Neue Nordische Beiträge».² Продолжая работать в Кяхте и после отъезда Палласа, Ериг написал целый ряд научных трудов, между прочим словарь и грамматику монгольского языка, несколько переводов и краткую грамматику тибетского языка. Не порывая связи с Палласом и работая по его инструкциям, Ериг направлял свои работы в Академию Наук, но они так и остались неопубликованными.³ Ни в России, ни в Европе тогда не было еще людей, способных должным образом оценить их, не было большого интереса к изучению Тибета, не было достаточного количества читателей.

Миллеру, Палласу и Еригу мы должны быть признательны, между прочим, за коллекции тибетских и монгольских рукописей и ксилографов, которые им удалось собрать для нашей Академии Наук во время своего пребывания в Сибири. Еригу же мы обязаны благодарностью, кроме того, и за составление списка тибетских рукописей и ксилографов,⁴ которые находились в его время в Академии Наук и которым начало было положено еще в 1720 г. приобретением по распоряжению Петра I рукописей из Аблайн-хита. Пополняясь с тех пор неоднократно стараниями многих исследователей, эти коллекции выросли в настоящее время до таких размеров, что Академия Наук и, в частности, ее Институт востоковедения, которому они непосредственно принадлежат, может считаться по праву самой богатой сокровищницей тибетской литературы среди всех научно-исследовательских учреждений мира.

Оценивая работы наших ученых в области тибетоведения в XVIII в., мы не должны забывать, что в это время изучение тибетского языка в Европе только что начиналось, что представления большинства европей-

¹ P. S. Pallas. Sammlung historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, II Th. Sammlung über den Götzendienst, die Geistlichkeit, Tempel und abergläubische Gebräuche der Mongolischen Völkerschaften; hauptsächlich die aus dem Tybet abstammende Fabellehre und damit verknüpfte Hierarchie. St. Petersburg, 1801.

² P. S. Pallas. Neue Nordische Beiträge, Bd. I, St. II, Nachrichten von Tybet aus Erzählungen tangutischer Lamen unter den Selenginskischen Mongolen.

³ Работы Ерига и его письма находятся в архиве Института востоковедения, III, 70—82. Перечень их напечатан у Dorn. Das Asiatische Museum. St. Petersburg, 1846, стр. 122.

⁴ Список этот напечатан у Busse. Journal von Russland. Jahrgang III, Bd. II, St. 9, März 1796.

ских востоковедов и о самой Тибетской стране и об ее языке и литературе были еще крайне смутны и порой даже фантастичны. Труды католических миссионеров, живших в начале XVIII в. в самом Тибете и непосредственно на месте изучавших тибетский язык и литературу, оставались тогда еще под спудом *Congregatio de Propaganda Fidei*. Они стали известны широким кругам ученых лишь со второй половины XVIII в. и то в крайне несовершенной переработке Georgi, который издал в 1762 г. свой *Alphabetum Tibetanum*, перемешав в нем богатые фактические результаты работы миссионеров с собственными досужими домыслами. При этих условиях нельзя не отметить известной заслуги нашей Академии Наук, которая на протяжении ряда лет, начиная с истории с тибетскими рукописями из Аблайн-хита и кончая работами Палласа и Ерига, все время возбуждала и поддерживала в европейской науке интерес к тибетскому языку и письменности, подготавливая, тем самым, наступление эпохи их интенсивного научного изучения.

По-настоящему научное изучение тибетского языка и литературы начинается в России лишь с 1829 г., когда в состав Академии Наук вступил Шмидт, который не только обогатил науку изданием и переводом разных тибетских (и монгольских) текстов, но и составил словарь и грамматику тибетского языка, изданные по-русски и по-немецки. На русском языке, кстати сказать, грамматика и словарь Шмидта до сих пор остаются единственными пособиями. Тибетско-русский словарь В. П. Васильева и его же грамматика так и остались в рукописи.

В своей грамматике и в словаре Шмидт широко использовал материалы тибетской грамматики и словаря, составленных знаменитым венгерским ученым Alexander Csoma Cörösi, который, по справедливости, может считаться и считается основоположником тибетской филологии. Но Шмидт сумел дополнить этот материал новыми данными и придал своему словарю, в отличие от словаря Csoma (который расположил слова по первым буквам), тот порядок, который принят во всех оригинальных тибетских словарях, а именно: алфавитный порядок по основным, коренным буквам слов (так называемые *ming-gzhi*). Занимаясь, прежде чем посвятить себя всецело научной работе, коммерческими делами среди волжских калмыков, Шмидт приобрел на месте немалые практические познания монгольского и тибетского языков и вместе с тем завязал теснейшее общение с местными знатоками тибетской литературы из числа лам, традиционные познания, начитанность и опыт которых он умел использовать для нужд науки. Последнее обстоятельство помогло ему немало в трудном деле каталогиз-

зации чрезвычайно разросшихся, благодаря его же содействию, коллекций тибетских рукописей и ксилографов Академии Наук. В частности при нем Академией Наук приобретены были богатые коллекции, которые были собраны бароном П. Л. Шиллингом фон-Канштадт во время командировки последнего в Бурят-Монголию в 1830 г. и которые состояли как из памятников тибетской литературы собственно (переводной и оригинальной), так и из целого ряда рукописных каталогов к Ганджур и Данджур, составленных бурятскими ламами по указаниям Шиллинга на отдельных карточках и в форме европейских книг с алфавитными указателями. Один такой каталог к Ганджур был даже издан Шмидтом.

Преемником Шмидта в Академии Наук был Шифнер, который дал немало различных и для своего времени весьма ценных работ в области тибетской грамматики и лексикографии, издал ряд текстов и переводов и каталогизировал новые коллекции тибетской литературы, поступившие в Академию Наук. Правда, в своем большом труде — в издании и переводе сочинения Даранаты «История буддизма в Индии» — Шифнер широко использовал русский перевод этого текста, сделанный его гениальным современником В. П. Васильевым, причем использовал настолько, что перенес в свой перевод даже отдельные ошибки Васильева. Однако, он в некотором отношении и сам помог впоследствии Васильеву своим знанием санскритского языка, облегчавшим ему восстановление собственных индийских имен, переведенных по-тибетски. Вместе с тем, убедившись лично, какую мощную научную силу представляет собою Васильев и насколько велики его познания, Шифнер помог последнему добиться напечатания некоторых его трудов, в частности русского перевода той же истории Даранаты и общего исследования о буддизме. Таким образом, Шифнер, хотя и далеко не в той мере, в которой следовало бы, все же до известной степени помог продвижению в печать трудов В. П. Васильева. А это было не только делом исключительной важности для тибетоведения, если принять в расчет масштаб работы Васильева, но и делом довольно трудным и хлопотливым. В России не был достаточно развит интерес к научному изучению тибетского языка и литературы, не было достаточного числа читателей, а на Западе все написанное по-русски признавалось неудобочитаемым.

Почти одновременно с началом работ Шмидта над изучением тибетского языка в Академии Наук, проявляется некоторый интерес к тибетскому языку в Казанском университете, где с 1833 г. во главе только что созданной кафедры монгольского языка стал знаменитый русский монголист О. М. Ковалевский. Изучая монгольский язык в Иркутске с помощью

тамошнего знатока Игумнова и других, а затем на месте в Бурят-Монголии и в Монголии, Ковалевский столкнулся с необходимостью изучения и тибетского языка. Не приобретя в нем особенно глубоких познаний, Ковалевский все же усвоил его до такой степени, что мог использовать тибетские материалы для своего монгольско-русско-французского словаря.

Из школы Ковалевского вышел и величайший русский буддолог и тибетовед В. П. Васильев, избранный впоследствии, уже после смерти Шифнера, в действительные члены Академии Наук.

Замечательна и поучительна судьба этого человека, опередившего на много десятилетий развитие своей науки и вынужденного из-за отсутствия в России, а отчасти даже и на Западе, среды для восприятия его научных открытий, заниматься преподаванием китайского языка и видеть как колоссальнейший труд всей его жизни остается непечатаемым и никому неизвестным. Не менее поучительна, пожалуй, и судьба его друга В. В. Горского, который, так же как и сам Васильев, получил свои познания непосредственно от представителей тибетской школьной традиции. И его работы в области тибетоведения, работы, которыми мог бы гордиться даже современный исследователь, остались неопубликованными. Большинство их, видимо, безвозвратно потеряно для науки и лишь небольшое сохранилось среди бумаг, оставшихся от Васильева.¹

Из всего огромного научного труда Васильева в области тибетоведения опубликована лишь незначительная часть, лишь то небольшое, что сам Васильев считал только введением к своим главным, специальным трудам. Остальное (и то не полностью) находится в архиве, частью в виде работ, приготовленных для печати, частью в виде материалов, еще нуждающихся в обработке.² Васильева стали ценить лишь под старость, когда утомленный и разочарованный он не имел ни сил, ни желания обрабатывать для печати свои заброшенные труды. А между тем Васильев знал и свободно пользовался памятниками, изучение которых не под силу даже многим из современных тибетоведов. То, чем В. П. Васильев занимался еще в половине XIX в., стало объектом исследовательских усилий других ученых лишь с конца XIX — начала XX в., причем лишь частично. Большинство же материалов, над которыми он работал, осталось неразработанным до сих пор. В опубликованных работах Васильева по буддизму, написанных на

¹ См. М. И. Тубянский. Предварительное сообщение о рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского. ДАН, 1927, стр. 64.

² См. М. И. Тубянский, *op. cit.*, стр. 59—64 и С. А. Козин. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева по данным Азиатского музея Академии Наук СССР. ИАН, 1931, стр. 759—774.

основе глубокого изучения тибетских и китайских источников, кое-что сейчас, конечно, уже устарело, но в основном эти труды, снискавшие Васильеву всемирную славу, не потеряли своего научного значения и поныне, не потеряют его, можно думать, и долгое время спустя.

Русское правительство не считало нужным насаждать и поддерживать в России изучение тибетского языка, поскольку из-за своей отдаленности и малодоступности Тибет не представлял непосредственного интереса для колониальной экспансии. Правда, на словах признавалось иногда желательным изучение тибетского языка для православных миссионеров, действовавших среди калмыков и бурят-монголов буддийского вероисповедания, поскольку основная богословская и богослужебная литература этих народов написана на тибетском языке. Однако, как правило, миссионеры отнюдь не отличались стремлением к точному и адекватному знанию той религии, с которой они вели конкурентную борьбу и довольствовались самыми общими и поверхностными представлениями, больше всего упоая на меры административно-полицейского воздействия на иноверцев. Для них было достаточно некоторого знания монгольского и калмыцкого языков, как средства общения с иноверцами, доставлявшего им некоторые общие представления о буддизме и позволявшего вести пропаганду христианства.

Ни в одном из высших учебных заведений России вплоть до начала XX в. не было кафедр тибетского языка, и даже в начале XX в., когда развитие империалистической политики России в Азии уже поставило, казалось бы, на очередь изучение Тибета и тибетского языка, власти отклонили ходатайство Восточного института во Владивостоке о введении преподавания тибетского языка для студентов этого института. По заключению министерства финансов: «Изучение тибетского языка, представляющее, главным образом, лишь научный интерес, едва ли может быть признано настолько значительным в практическом отношении, чтобы для него следовало учреждать особую кафедру при Восточном институте».¹ Поддерживать занятие, «представляющее, главным образом, лишь научный интерес», русское правительство считало не нужным. Лишь в 1907 г., после повторных просьб, было разрешено открыть во Владивостокском институте преподавание тибетского языка для желающих студентов, в качестве необязательного предмета.²

Не многим лучше обстояло дело и на Западе. Правда, западные миссионеры, действовавшие непосредственно в самом Тибете и в сопредельных

¹ См. Н. В. Кюннер. Описание Тибета, Владивосток, 1908, ч. II, вып. I, стр. 101—102.

² Там же, стр. 101.

с ним странах, довольно старательно изучали тибетский язык и литературу, поскольку иначе они не могли бы вести там свою пропаганду. Но это изучение не выходило из рамок личной инициативы. Изучение Тибета и тибетского языка начинает привлекать к себе серьезное внимание на Западе лишь с конца XIX в., когда началась усиленная подготовка к захвату Тибета со стороны британского правительства Индии.

При таких условиях, вплоть до конца XIX — начала XX в., ни на Западе, ни тем более у нас в России не могла сложиться школа тибетоведов, не могло быть непосредственной преемственности знаний, и самое количество тибетоведов исчислялось единицами. На Западе — тибетским языком занимались отдельные миссионеры или, позднее, политические эмиссары индийского правительства. В России же, которая непосредственных отношений с Тибетом не поддерживала, тибетским языком занимались лица, которые по своим служебным или личным делам приходили случайно в соприкосновение с калмыками и бурят-монголами и от живших среди них лам черпали свои знания тибетского языка и литературы. Исключением из этого правила в России был, пожалуй, только Шифнер, который обязан своими познаниями, главным образом, самообучению. Что же касается всех остальных, то Ериг, как я уже говорил, был переводчиком в Кяхте, Шмидт приобрел свои знания, преимущественно, во время трехлетней торговой деятельности среди калмыков, Васильев и Горский получили их, работая в православной духовной миссии в Пекине. Во всех случаях занятия тибетским языком были побочными и отнюдь не поощряемыми личными увлечениями, не находившими себе широкого применения даже и тогда, когда эти занятия в лице В. П. Васильева дали одного из самых крупных тибетоведов мира.

По существу интерес к изучению Тибета и тибетского языка правящие круги русского общества начали проявлять лишь с конца XIX в., когда развитие русской политики в Азии, столкновение русских и английских интересов на этом материке вывинули на первый план необходимость исследования Центральной Азии и, в частности, Тибета. До этих пор русское правительство не только не поддерживало научных занятий Тибетом, но совершенно игнорировало те оживленные сношения, которые бурят-монголы и калмыки, жившие в пределах России, поддерживали с Тибетом. Еще в 1767 г. глава буддийского духовенства в Сибири первый Бандида Хамбо Дамбадарже Залев представил Екатерине II очерк своего путешествия в Тибет, откуда он вернулся в 1741 г., но этот очерк, составленный по-тибетски и снабженный русским и монгольским переводами, так и остался в архиве, и лишь в конце XIX в. А. М. Позднеев в своей хре-

стоматии поместил его монгольский текст. Та же участь постигла и сообщения других бурятских и калмыцких путешественников, пробиравшихся из России в Тибет. Но с конца XIX в. положение круто меняется. С этого времени начинается ряд успешных и безуспешных попыток проникнуть в Тибет, организуется ряд экспедиций для исследования Центральной Азии и Тибета (Пржевальского, Певцова, Роборовского, Козлова и др.), возникают и находят свое осуществление попытки использовать для исследования Тибета бурят-монголов и калмыков, которые все время поддерживали сношения с Тибетом и которым в качестве паломников было легче всего туда проникнуть. Вместе с тем растет исподволь интерес к тибетскому языку, литературе, искусству и религии, появляются кадры новых исследователей.

В качестве энергичного руководителя этих кадров, инициатора и пропагандиста изучения Тибета и выступил С. Ф. Ольденбург.

С. Ф. Ольденбург с давних пор интересовался Тибетом. Ученик И. П. Минаева и отчасти В. П. Васильева, он уделил много сил и внимания изучению буддизма, являвшегося главным объектом научно-исследовательской работы его учителей. В том горячем увлечении, с которым молодой Ольденбург занялся изучением буддизма, оказалось, впрочем, не одно только влияние его учителей. На Сергея Федоровича довольно заметно повлиял повышенный интерес к религии, которым была захвачена часть русской интеллигенции 80-х годов, искавшая в религиозных учениях Запада и Востока выхода из той темной полосы реакции, которая характеризует тогдашний период истории России. Вместе со многими другими С. Ф. Ольденбург воспринимал человека Востока как человека религии по преимуществу и был склонен именно в религии видеть ключ к пониманию восточного общества. Но Сергей Федорович был, прежде всего, большим ученым, вдумчивым и трезвым аналитиком и потому не мог не убедиться в конце концов, что человек Востока, так же как и человек Запада, живет не религией, а реальной земной жизнью, что религиозные воззрения его имеют исторический, преходящий характер и вызваны, в конечном счете, условиями его материального существования.

С. Ф. Ольденбург серьезно и глубоко занялся изучением буддизма, но в этом изучении он пошел особым путем, путем, отчасти предугазанным в работах его знаменитого учителя И. П. Минаева, но лежавшим в стороне от того основного направления русской буддологии, которое было ей придано ее основоположниками — В. П. Васильевым и тем же Минаевым. Основное течение русской буддологии направилось по пути изучения богатого философского наследия позднейшего буддизма — Махаяны, и здесь

в историю науки блестящую страницу вписал младший товарищ С. Ф. Ольденбурга по университету акад. Ф. И. Щербатской, который унаследовал от Васильева и Минаева глубокий интерес к буддийской философии и дал в своих работах мастерскую интерпретацию философского учения Махаяны в его связи с философскими воззрениями других школ древней Индии.

С. Ф. Ольденбург пошел по другому пути. Его интересовали сами истоки буддийской религиозности, те конкретные исторические условия, благодаря которым возник и развивался буддизм, те разнообразные формы, в которых проявилась буддийская религия, те различные представления, которые она в себя вбирала и на которые оказала свое воздействие. И вполне естественно, что Сергей Федорович пришел к изучению Тибета, потому что именно в Тибете буддизм представляет поныне господствующую религию, потому что в Тибете сохранились многие исчезнувшие в Индии памятники, потому что в Тибете сохранилась удивительно стойкая традиция, тянущаяся от той эпохи, когда буддизм был еще живым явлением в Индии.

Уступая дорогу в области буддийской философии своему более вооруженному товарищу, С. Ф. Ольденбург оставил за собою обширное поле исследования социально-экономических условий, при которых и благодаря которым сложилась и существует буддийская религия, всего того сложного запаса представлений, в связи с которыми жил и развивался буддизм, всех тех различных проявлений человеческой деятельности, на которых сказалось влияние буддийской религии или которые были ею подчинены.

С. Ф. Ольденбург ни минуты не думал, что с этими сложными задачами ему удастся справиться одному, что ему одному удастся разрешить и вопрос о происхождении буддизма, и вопросы буддийского синкретизма и вопросы буддийского канона и обрядов, искусства и литературы. Он понял свою задачу как задачу организатора и руководителя целой сети исследовательских предприятий, объединяющих вокруг себя самых разнообразных специалистов.

По инициативе С. Ф. Ольденбурга Академия Наук предприняла с 1897 г. издание особой серии «*Bibliotheca Buddhica*», серии, посвященной изданию памятников позднейшего буддизма на самых различных языках. На протяжении 45 лет существования «*Bibliotheca Buddhica*» С. Ф. Ольденбург был ее бессменным редактором и руководителем, сумевшим привлечь к участию в ее изданиях крупнейших специалистов всего мира и осуществить, за сравнительно короткий срок, издание ряда важнейших материалов по буддийской философии, религии и искусству.

Из различных рукописных материалов, собранных в 1830 г. бар. Шиллингом фон-Канштадт в Забайкалье, С. Ф. Ольденбург извлек забытый альбом буддийских изображений, представляющий собою выполненное по заказу Шиллинга¹ одним бурятским художником того времени воспроизведение ксилографа, изданного в Китае в XVIII в. знаменитым Lsang-skyu Rol-bai-rdo-rje. Снабдив этот альбом тибетским алфавитным индексом, который был составлен Ц. Ж. Жамцарано и Б. Б. Барадийным,² С. Ф. Ольденбург издал его в серии «Bibliotheca Buddhica» под названием «Сборник трехсот бурханов», справедливо учитывая, какое большое значение он будет иметь для определения буддийских коллекций, сосредоточенных в различных европейских музеях. И действительно, несмотря на некоторые незначительные неточности, вкрапившиеся в изображения по вине художника, «Сборник 300 бурханов» до сих пор является главным пособием для различных музеев, располагающих буддийскими изображениями. К сожалению, Сергею Федоровичу так и не удалось выполнить до конца предпринятое им сопоставление изображений сборника с материалами, представленными в музеях.

Наряду с изданием этого сборника С. Ф. Ольденбург оказал немалую поддержку проф. Грюнвелю в осуществлении предпринятого им описания крупнейшего собрания буддийских изображений и предметов культа, принадлежавших кн. Э. Э. Ухтомскому, взяв на себя труд перевода части его книги, опубликованной затем в «Bibliotheca Buddhica». Эти и другие работы С. Ф. Ольденбурга в области буддийского искусства, его исследования изображений Хара-хото, Дун-хуана и других мест, создали ему славу одного из лучших знатоков буддийского искусства вообще и искусства тибетского буддизма в частности.

Сознавая, какие важные последствия может иметь не только в политическом отношении, но и для науки о Тибете пребывание тибетской миссии в России, С. Ф. Ольденбург вступил в самые тесные личные сношения с представителями Далай-ламы и оказывал им на протяжении ряда лет

¹ Предположение С. Ф. Ольденбурга о принадлежности этого альбома к собранию тибетских рукописей и ксилографов, поступившему в Академию Наук от Шиллинга, высказанное им на основании внешности альбома, теперь полностью подтверждается. Мне удалось обнаружить в рукописном фонде Института Востоковедения написанный рукою Шиллинга список его собрания, в котором под № 77 значится: Abbildungen von 300 Gottheiten.

² К сожалению, С. Ф. Ольденбург не знал, что в рукописном собрании Шиллинга, находящемся в Институте востоковедения, имеется уже готовый индекс к альбому трехсот бурханов, заказанный Шиллингом в Бурят-Монголии и замечательный тем, что в нем под тибетскими названиями бурханов, расположенными по алфавиту, подписаны также и монгольские названия.

всемерное содействие, вплоть до хлопот об учреждении постоянного местопребывания тибетской миссии в Петербурге и т. д. От кипучей деятельности Ольденбурга в этом направлении сохранилось, между прочим, личное письмо к нему от Далай-ламы, в котором последний благодарит его за помощь, оказанную тибетской миссии.¹ Расчеты С. Ф. Ольденбурга на то, чтобы путем личных сношений с тибетскими представителями и некоторой поддержки, им оказываемой, добиться получения ряда новых материалов для тибетоведения, до известной степени оправдались. Академия Наук получила от тибетской миссии ряд рукописей и ксилографов, коллекции буддийских изображений и предметов культа и даже новый тибетский шрифт для своей типографии.

С воодушевлением, с удивительной энергией С. Ф. Ольденбург взялся за организацию всестороннего научного изучения Тибета. Еще в 1893 г. он напечатал рецензию на небольшую работу К. Магх'а, миссионера в Ладаке, опубликовавшего перевод тибетского диалога между Hāshang-rgyal-ro и Ug-tad, а затем рецензировал сборник статей Потаниной о путешествиях по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, каталог Huth'a к Данчжуру, географию Тибета Минчжул Хутухты, изданную В. П. Васильевым, и другие работы.

При его живом содействии были организованы Русским географическим обществом две поездки в Тибет: О. Норзунова в 1898—1901 гг.

¹ Письмо это было несколько лет тому назад передано С. Ф. Ольденбургом в Институт востоковедения. Оно написано уставным почерком на европейской бумаге и было отправлено в конверте, запечатанном малой печаткой (так наз. *дье-ца-дье*) Далай-ламы. На конверте напи-

сано курсивом: *མཚན་ལྷན་པོའི་ཉིང་སྤྱར་ཁ་ལ་* | «Знанием обладающему Ольденбургу».

Привожу полный текст письма с сохранением орфографии подлинника и его перевод:

ཧྲེ་ལའི་བླ་མའི་ཡི་གེ་ མཚན་ལྷན་པོའི་ཉིང་སྤྱར་གར་ ཆེད་དོན་ ད་ཡན་ཉིད་ནས་ བོད་དོན་
སྒྲིར་མཆན་ཉམས་མཁན་ཆེན་པོ་ག་ཡན་ཆེན་པོ་ག་ནང་བ་དག་ལ་སྤྲོ་ཆེ་ ད་ རྒྱུར་སྤར་ བཞིན་གང་ཅིར་
མཐུན་ལམ་པན་ཆ་ཡོད་པ་ཡིད་འཇགས་འཆོལ་ ཉེན་ཁ་བདགས་སངས་རྒྱུ་ཀྱི་སྤྱོད་ལྟན་ནམ་ལྷན་ ལྷམ་
ལེགས་བྱུངས་གསུམ་བཅས་ རེ་ཅེ་འི་གཟིམ་རྒྱུད་ཕུ་གསར་སྟེང་ནས་ ས་སྤྲོ་བློ་ཆེ་ས་ལ་བྲིས་ |

«Письмо Далай-ламы знанием обладающему Ольденбургу. Содержание: Очень благодарен за большую дружескую поддержку, оказанную Вами до ныне кенчену [тибетский *ранг* представителя Далай-ламы, *Лавана Доржеева*], представителю по делам Тибета. Надеюсь и впредь, как и прежде, на всяческое содействие и поддержку. Вместе с подкреплением (в виде) хадака, статуи Будды с облачением и трех кусков сукна, из обители Пу-са-дин [菩薩頂] У-тай-шана в год Земли-Обезьяны (1908), в 3 месяц, в 8 день написано».

и Г. Ц. Цыбикова в 1899—1902 гг., давшие, особенно последняя, много новых и ценных для науки сведений и материалов.

Но особенно активное участие С. Ф. Ольденбург принял в научной обработке результатов этих путешествий и первым оценил высокое значение для науки сведений и материалов, собранных Г. Ц. Цыбиковым. По его отзыву о путешествии Г. Ц. Цыбикова, последнему была присуждена, кстати сказать, премия Пржевальского. Собранная Г. Ц. Цыбиковым в Тибете большая коллекция оригинальной тибетской литературы была передана Географическим обществом в Академию Наук и значительно обогатила ее тибетский фонд. Вместе с секретарем общества А. В. Григорьевым С. Ф. Ольденбург взял на себя труд редактирования отчета о путешествии Г. Ц. Цыбикова и довел этот труд до конца, опубликовав в 1918 г. (уже после смерти А. В. Григорьева) этот отчет под названием «Буддист-паломник у святынь Тибета». При его же деятельном участии Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии была организована и осуществлена в 1905—1907 гг. командировка Б. Б. Барадийна в Лавран, также давшая много новых и ценных научных материалов и обогатившая собрание тибетской литературы Академии Наук тщательно и умело составленной коллекцией тибетских ксилографов, изданных в Амдо. Краткий предварительный отчет об этой командировке, инициатором и руководителем которой в значительной степени был сам Сергей Федорович, был опубликован им еще в 1908 г.¹ Он же взял на себя и задачу научной обработки результатов этой командировки — редактирование обширного и содержательного отчета Б. Б. Барадийна. К сожалению, эту работу С. Ф. Ольденбург так и не успел осуществить, и отчет Барадийна пока еще не издан. С неизменным интересом и неослабным вниманием С. Ф. Ольденбург следил за работой этих и других наших путешественников в Тибет, поддерживая всякое новое начинание в этом направлении, помогая своим советом и руководящими указаниями, умело добиваясь устранения в дальнейших работах недостатков, замеченных им в прошлом.

Вместе с тем С. Ф. Ольденбург внимательно следил и за результатами путешествий в эту страну западноевропейских, индийских и американских исследователей. Еще в 1902 г. он опубликовал в «Живой старине» рецензию на отчет Sarat Chandra Das'a о своем путешествии в Тибет, который был тогда только что издан W. W. Rockhill'ем, а затем на протяжении шести лет, с 1904 по 1909 г., он регулярно из года в год помещал

¹ Изв. Русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 8, 1908, стр. 17—21.

в «Журнале Министерства народного просвещения» критические обзоры новейшей литературы о Тибете, иностранной и русской.

В 1904 г., как известно, Англия осуществила давно задуманную и тщательно подготовленную интервенцию в Тибет. С 3000 отрядом англо-индийских войск под начальством генерала Macdonald, комиссар британского правительства полковник Jounghusband вторгся в пределы Тибета и, рассеяв плохо вооруженные и неспособные к серьезному сопротивлению воинские части тибетцев, достиг столицы страны — Лхасы, которая была покинута Далай-ламой, бежавшим при приближении англичан на север. Сформированному тибетскому правительству был навязан договор, который был впоследствии, по соглашению с Россией, значительно урезан, но который в первой его редакции ставил Тибет в фактическую зависимость от британского правительства Индии.

Подобное событие не могло остаться незамеченным. Последовал целый ряд запросов и дипломатических представлений со стороны России, которая соревновалась с Англией в захватах на Азиатском материке. Возбуждено было общественное мнение в ряде стран и, прежде всего, конечно, в России и в Англии, причем со стороны каждого из соперничавших государств были приняты меры к обработке общественного мнения в направлении, отвечавшем их противоречивым империалистическим интересам. Возник интерес к Тибету и широкий спрос на литературу об этой стране. Английское правительство опубликовало в 1904—1905 гг. подряд три «Спние книги» документов, относящихся ко времени, предшествовавшему интервенции, и к самому ее проведению. Появились книги участников англо-индийского похода — очевидцев происходивших событий. Возник спрос на литературу, посвященную прежним и новым изысканиям в Тибете, будь то в центральной его части или на его окраинных территориях.

Отвечая своими статьями на этот повышенный политический интерес к Тибету, С. Ф. Ольденбург в то же время стремился к тому, чтобы использовать этот интерес для пропаганды всестороннего научного изучения Тибета, для организации научного исследования этой страны в физико-географическом и этнографическом отношениях, для изучения ее языка и литературы, искусства, философии и религии. В этом смысле, в смысле пропаганды всестороннего изучения Тибета и критической оценки всего того, что уже сделано наукой в этой области, С. Ф. Ольденбург оказал, бесспорно, большую услугу науке.

Посвящая свои статьи критическому разбору 28 новых книг о Тибете (в том числе и трех «Blue books»), С. Ф. Ольденбург в каждой из них стара-

тельно отмечал и подчеркивал, какое значение имеет та или иная из этих книг для науки, что нового и ценного она вносит в наше знание Тибета, в чем ее основные достоинства и недостатки. Не ограничиваясь разбором одних только этих книг, С. Ф. Ольденбург привлек попутно к рассмотрению еще около сотни разных старых и новых печатных работ о Тибете, а также рукописный материал, извлеченный им из различных архивов. В частности, им было опубликовано по бумагам Klaproth'a неизвестное дотоле оглавление к труду знаменитого иезуита-миссионера Desideri «Notiziae Istoriche del Thibet».

Всякий, кому приходилось изучать литературу о Тибете, знает, насколько разбросана и, иногда, трудно доступна эта литература, и не может не выразить глубокой признательности С. Ф. Ольденбургу за то, что он в своих статьях собрал и критически оценил значительную и едва ли не самую существенную часть из того, что различными путешественниками в Тибет было написано об этой стране. Это был огромный труд, требовавший от автора исключительных познаний и начитанности и выполненный им с подлинным мастерством. Немудрено поэтому, что библиографические статьи С. Ф. Ольденбурга до сих пор служат руководящим пособием для всякого, кто изучает литературу путешествий в Тибет, и высказанные в них суждения и отзывы о книгах много раз повторялись и пересказывались.

Помимо чисто библиографической ценности, которую имеют эти статьи, часть из них ценна своими специальными исследованиями отдельных проблем.

Первая статья, озаглавленная «Новейшая литература о Тибете», дает не только разбор ряда книг, но и два очерка — очерк истории европейских путешествий в Тибет и очерк подготовки английской интервенции 1904 г.¹ Последний был составлен на основании внимательного изучения документов, опубликованных в «Blue book, 1904», и тех данных, которые С. Ф. Ольденбург почерпнул из личного общения с представителями Далай-Ламы в Петербурге. До сих пор он остается в нашей литературе единственным в своем роде, отличаясь умением автора использовать весь существенный материал, находившийся в его распоряжении, и представить его в сжатом и красочном изложении. Что же касается первого очерка, то хотя еще В. Л. Котвич в своем предисловии к переводу путешествия в Тибет Сарат Чандра Даса дал обзор истории путешествий европейцев в эту страну, все же С. Ф. Ольденбург сумел и здесь найти новые данные как библиографического, так и фактического порядка, и его очерк явился безусловно одним

¹ Журн. Мин. нар. просв., 1904, ноябрь, отд. II (Критика и библиография), стр. 129—168.

из руководящих пособий для позднейшей работы Н. В. Кюнера, давшего в своем «Описании Тибета» подробную картину европейских путешествий в эту страну.

Вторая статья озаглавлена «Англо-индийский поход в Тибет 1904 г.» и состоит: 1) из летописи событий английской интервенции 1904 г., изложенной С. Ф. Ольденбургом на основе «Blue books», сообщений участников похода и своих личных сведений и 2) из обзора литературы, напечатанной в результате этого похода.¹ И опять-таки этот очерк является до сих пор единственным в своем роде, свидетельствуя о глубоких познаниях С. Ф. Ольденбурга и его умении выделить из массы фактов и представить в ясном и точном изложении самое существенное и основное.

Остальные статьи носят общее название «Новые книги о Тибете» и представляют собрание рецензий из 18 книг.² Из них две имеют значение первоклассных исследовательских заметок. Первая — это рецензия на труд Козлова «Монголия и Кам», в которой С. Ф. Ольденбург впервые дал попытку, на основе внимательного сопоставления сообщений различных путешественников, восстановить этнографическую картину обряда тибетской свадьбы. Вторая — это рецензия на сборник «Tibetan Tales» O'Connor'a, в которой С. Ф. Ольденбург, отправляясь от указания составителя, что по словам самих тибетцев большинство их сказок индийского происхождения, и опираясь на свое глубокое знание индийского сказочного материала, дал целую таблицу соответствий, выполнив тем самым задачу, которая для составителя сборника оказалась не по силам.

По существу, критико-библиографические статьи С. Ф. Ольденбурга, разбирая новую литературу о Тибете, подвели впервые в нашей науке итог тому, что нам известно об этой стране, и показали те неотложные задачи, которые стоят перед ее исследователями. Они, вместе с тем, дали нам ряд наглядных примеров того, как нужно решать эти задачи, какие интересные и ценные данные можно извлечь из прежних сообщений путешественников, если правильно и вдумчиво подойти к их анализу, и какие данные можно и должно собрать при дальнейших непосредственных изысканиях на месте. Вопросы истории европейских путешествий в Тибет, вопросы истории и современного автору этапа английской колониальной

¹ Журн. Мин. нар. пр., 1905, июль, отд. I (Критика и библиография), стр. 197—227 (Летопись похода), и там же, 1905, сентябрь, отд. II (Критика и библиография), стр. 134—150 (Научные результаты).

² Журн. Мин. нар. пр., 1906, август, отд. II, стр. 318—327; 1907, сентябрь, отд. II, стр. 244—262; 1908, январь, отд. II, стр. 219—233; 1909, май, отд. II, стр. 167—178.

политики в Тибете, вопросы тибетской этнографии, фольклора и искусства были впервые поставлены в нашей научной литературе С. Ф. Ольденбургом, который сумел по каждому из них найти и разработать новые данные и начертать перспективы их дальнейшего изучения.

Перечисленными работами еще не исчерпывается все то, что С. Ф. Ольденбургом было сделано для развития науки о Тибете. Много было разных повседневных забот, личных руководящих указаний, которые он щедро расточал своим сотрудникам, много было различных организационных предприятий по тибетоведению, душою которых он был. Еще не так давно С. Ф. Ольденбург, всегда высоко ценивший труды В. П. Васильева, был вместе с Ф. И. Щербатским и М. И. Тубянским инициатором большого предприятия по разбору рукописного наследия В. П. Васильева, которое выразилось в перепечатке трудов этого ученого на пишущей машинке для их дальнейшей научной разработки.

При его же поддержке и неизменном участии создалась и первая в истории нашей науки исследовательская школа тибетоведов, руководимая акад. Ф. И. Щербатским. Росту этой молодой научной школы, сформировавшейся после Октябрьской революции и пока еще очень малочисленной по количеству работников, С. Ф. Ольденбург уделял много забот и внимания.

В работах С. Ф. Ольденбурга по Тибету и по вопросам, так или иначе с Тибетом связанным, отражаются, как в зеркале характернейшие его особенности. Это, прежде всего, — способность чутко прислушиваться и немедленно реагировать конкретным научным трудом на запросы, которые ставит перед наукой сегодняшний день. Это — разносторонняя начитанность, дававшая ему возможность во всеоружии новейших и точнейших знаний ответить на запросы современности. Это — умение чувствовать нужды науки, видеть все разнообразные задачи, которые ждут разрешения, и выделять из них самое важное и нетложное и, наконец, огромный, всепоглощающий организаторский талант.

Индианист и отчасти иранист по своему университетскому образованию, буддолог по своим преимущественным интересам, С. Ф. Ольденбург сумел в то же самое время стать и быть руководителем и организатором русских тибетоведов. Умело направляя основные исследовательские силы на изучение наиболее важных областей, создавая научные объединения разных специалистов, для того чтобы со всех сторон осветить изучаемый вопрос, привлекая новых работников к исследованию вопросов, еще не затронутых или обойденных наукой, С. Ф. Ольденбург оказал неоценимую услугу тибет-

товедению, был пропагандистом тибетоведения в нашей стране и пионером в исследовании отдельных участков этой науки.

Немного печатных трудов оставил он в области тибетоведения, но все его работы прочно вошли в инвентарь нашей науки, а о самой личности С. Ф. Ольденбурга надолго останется у наших тибетоведов память, как о крупнейшем организаторе, учителе и пропагандисте науки.
